

УДК 16 (09)

DOI: 10.17223/1998863X/46/13

С.В. Гарин

ТОПИКА АРИСТОТЕЛЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Рассматриваются аспекты античного лингвистического конвенционализма в контексте аристотелевского понимания языка в «Топике» и «Об истолковании». Диалектический принцип манипулирования различными этимологическими аспектами имени (первичный / нынешний / подходящий / буквальный) осмысливается в рамках античной теории этимологии в посткратитовской философии языка и перипатетической аргументации. Этимологические трансформации терминов, предложенные Аристотелем в «Топике» 112a в качестве полемического приема, рассматриваются в рамках аргументативной модели С. Тулмина. Обосновывается тезис о функциональной близости античного лингвистического натурализма конвенционализму для целей диалектического убеждения. Статья нацелена на пробуждение исследовательского интереса к античному логическому наследию и философии языка.

Ключевые слова: философия языка, история логики, «Топика», Аристотель, теория аргументации.

В 1968 Г. Оуэн отметил, что «Топика» Аристотеля была выбрана в качестве предмета третьего аристотелевского симпозиума в силу того, что эта книга «чрезвычайно богата дискуссионным материалом, но относительно бедна в вопросе комментаторской традиции» [1. Р. 7]. Значение «Топики» также связано с тем, что в ней можно найти описание ключевой для Аристотеля концепции метода философского исследования. Также «Топика» может быть рассмотрена и как альтернатива аподиктической логике аристотелевских «Аналитик».

Не менее интересным моментом, на наш взгляд, является проблема использования Аристотелем различных семантических толкований слова, *первичных / вторичных* смыслов, раскрывающихся методом этимологизации в риторико-диалектической полемике. Этот метод во многом связан с общеантичной дискуссией относительно природы языка в контексте понимания роли этимологического анализа.

Античная дискуссия нарождающейся философии языка представлена, как известно, в «Кратиле». Полемика, отраженная в тексте диалога, затронула не только классических философов, сажем, платоновской школы, или перипатетиков, но совершенно различных мыслителей, таких как Демокрит и Гален. Уже на исходе Античности Прокл выдвинул свою концепцию языка через знаменитые «четыре эпихейремы» (διὰ τεσσάρων ἐπιχειρημάτων), следуя четвероюкой логике аргументов Демокрита [2]. Прокл, активно используя гипотетические силлогизмы Теофраста – Евдема, выступил против «конвенционалистов» в лице Демокрита и Аристотеля. Таким образом, античная философия языка от Демокрита к Проклу рассматривала проблему подлинности имен, этимологических интерпретаций и онтологической связи между озна-

чаемым и означающим на протяжении нескольких столетий. Так, христианская ономастика и этимологизация развивали аналогичные проблемы толкования семантических компонентов слова как в рамках теории референции и значения, так и в контексте вопросов гносеологии. Именно *анализ этимологии*, поставленный в «Кратиле» в качестве одного из способов философствования, стал ключевым инструментом дохристианской и раннехристианской экзегетики [3. Р. 45]. Типичным примером этого может служить «Etymologiae» Исихора Севильского. В *Magnum opus* Исихор, основываясь на античном подходе к языку, разрабатывает систематическую этимологическую теорию энциклопедии, понимая под этимологией интерпретацию, основанную на семантическом разделении и движении к *основанию*:

Etimologia est origo vocabulorum, cum vis verbi vel nominis per interpretationem colligitur

Этимология это происхождение (начало) слов, когда слово или имя понимаются через интерпретацию [Etym. 1.29].

Фраза Исихора, безусловно, могла быть частью кратиловского лингвистического арсенала, основанного на экспликации *первичной* и *производной* этимологии. Движение к *подлинной* этимологии, установленной по природе либо первичным законодателем, и является главной составляющей не только кратиловского натурализма, но и платоновского инструментализма¹. Примечательно, что это движение составляет одну из аргументативных тактик, которую также упоминает и Аристотель в «Топике», будучи противником лингвистической теории имен по природе (φύσει).

Как известно, в «Кратиле» конвенционализм представлен через ключевые понятия *договора* и *соглашения*. Именно этот принцип (συνθήκη καὶ ὁμολογία) со временем станет основополагающим для конвенционалистской теории языка у перипатетиков, что, однако, не помешает им говорить об аргументативном преимуществе использования первичных этимологий имени. *Правильность* имени для конвенционалиста порождается из непосредственных, зачастую практических задач наименования и манипуляции. Кто какое имя установит, такое и будет *правильным* (ἄν τις τῷ θῆται ὄνομα, τοῦτο εἶναι τὸ ὀρθόν). Этот принцип, рассмотренный вне универсальной максимы и не распространяющийся на *весь массив* языковых выражений, является естественной частью обыденного понимания наименования. Не случайно конвенционалистский дискурс, как правило, апеллирует к сфере домашнего хозяйства и частных интересов, отражая ограниченную свободу моделирования семантического мира номенклатуры *ближнего круга*. В способности каждого давать собственные названия слугам, домашним животным и другим реалиям жизненного окружения конвенционалист видит причину недоверия теории природной предопределенности имен.

Аргументация конвенционализма разворачивается через два вспомогательных понятия, выступающих дополнительными причинами для установления имен: это *закон*, обычай (ἔθος), а также *свойство привычности* (от ἐθίζω – приручать, привыкать). Таким образом, свобода наименования домашних слуг и различие в фонетике варварских и эллинских языков – это, по сути, и

¹ Подробнее о латинской традиции этимологического анализа см. [4], а также [5. Р. 104].

весь арсенал релятивистски мыслящего античного философа языка. Примечательно, что, появившись в эпоху античной классики, доводы конвенционализма пройдут практически без изменений через весь эллинизм и позднюю Античность. Анонимный комментарий на «Кратил», приписываемый Проклу, содержит типичную экспозицию этих аргументов. Так, для опровержения конвенционализма Прокл выбирает не какого-то современного его мыслителя, который, возможно, мог бы поднять доводы до нового уровня, но самого Демокрита, жившего почти за 800 лет до Прокла. Качество и направленность аргументации лингвистического конвенционализма за почти тысячелетний период развития остались практически без изменений.

Релятивистский ракурс конвенционализма в «Кратиле» подвергается серьезной деконструкции, начинающейся с первой части диалога [385a – 391b], Сократ приближает весь лингвистический конвенционализм к максиме Протагора: «πάντων χρημάτων μέτρον εἶναι ἄνθρωπον» [386a]. Если каждый имеет право называть вещи как ему вздумается, то человек выступает в роли семантической и коммуникативной меры (μέτρον). А поскольку мерой коммуникации во многом выступают всеобщие intersubjective основания, то отдельный индивид оказывается лишь репрезентатором паттернов языка и коммуникации. Сократ, сведя тезис Гермогена к крайней форме, установив его параллель с положением Протагора, заставляет Гермогена признать, что вещи, как и поступки, должны иметь *устойчивую сущность*.

Как известно, «Кратил» включает в себя практику особого метода аналитической этимологии, целью которого является установление семантических оснований связи имени и вещи, что предполагало деконструкцию этимона на составные элементы. Именно этот метод, как было указано выше, стал определяющим для целого ряда направлений античной философии языка.

Как известно, по Аристотелю, семантические основания языка устанавливаются *соглашением*. В *De Int* Стагирит подчеркивает, что имя, являясь особой разновидностью звука, имеет смысл, установленный конвенцией:

τὸ δὲ κατὰ συνθήκην, ὅτι φύσει τῶν ὀνομάτων οὐδέν ἐστιν, ἀλλ' ὅταν γένηται σύμβολον· ἐπεὶ δηλοῦσί γέ τι καὶ οἱ ἀγράμματοι ψόφοι, οἷον θηρίων, ὧν οὐδέν ἐστιν ὄνομα.

[Имена] имеют значение по соглашению, ведь нет никаких имен от природы. Оно возникает, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя [De Int, 16a].

Аристотель полагает, что нечленораздельные звуки животных тоже что-то означают, но они *не являются языком*, потому что их смысл конституируется самим субъектом произнесения, а не социальными правилами и соглашениями¹. Очевидно, что точка зрения Аристотеля имеет ярко выраженный конвенциональный характер, основанный на ключевом понятии соглашения

¹ В терминах П. Грайса эту проблему можно описать так, что значение в речевом сообщении животного конституируется непосредственным актом произнесения самим животным сообщения, в то время как значение в человеческом языке имеет *интенционально-конвенциональный* характер. Интенция говорящего в человеческом языке направлена на вызов конвенционально установленных шаблонов, закрепленных в общественном дискурсе. Упрощая, можно сказать, что П. Грайс пытается устранить семантику (полагая ее фрегеанской теорией «стационарного значения») механизмами прагматики, понимая под последними интенциональность и конвенцию (см. [6], а также [7. Р. 46]).

(συνθήκη). Более того, Аристотель противопоставляет речь как искусственный конвенциональный акт натуралистическому инструментализму, поскольку речь – это не природное орудие:

Ἔστι δὲ λόγος ἅπας μὲν σημαντικός, οὐχ ὡς ὄργανον δέ, ἀλλ' ὥσπερ εἴρηται κατὰ συνθήκην.

Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а, как было сказано, в силу соглашения [De Int, 17a].

Это положение может быть использовано как контраргумент и против натурализма, и против инструментализма¹.

В «Топике» Аристотель, описывая техники аргументации внутри дискурса топов, среди прочих рассматривает следующий метод:

Ἔτι τὸ ἐπιχειρεῖν² μεταφέροντα τοῦνομα κατὰ τὸν λόγον ὡς μᾶλλον προσῆκον ἐκλαμβάνειν ἢ ὡς κεῖται τοῦνομα, οἷον εὐψυχον μὴ τὸν ἀνδρεῖον, καθάπερ νῦν κεῖται, ἀλλὰ τὸν εὖ τὴν ψυχὴν ἔχοντα, καθάπερ καὶ εὐελπιν τὸν ἀγαθὰ ἐλπίζοντα · ὁμοίως δὲ καὶ εὐδαίμονα οὗ ἂν ὁ δαίμων ἦ σπουδαῖος, καθάπερ Ξενοκράτης φησὶν εὐδαίμονα εἶναι τὸν τὴν ψυχὴν κχοντα σπουδαίαν · ταύτην γὰρ ἀκάστου εἶναι δαίμονα.

Другой метод аргументации – отнести термин к его первоначальному значению на том основании, что более уместно воспринимать его в этом смысле, чем в том, что было установлено. Например, *отважный* есть не столько *мужественный*, как считают в настоящее время, а тот, кто хорошо управляет душой, подобно тому как *преисполненный надежды* означает *надеющийся на хорошее*. И точно так же *счастливый* – это тот, чья судьба хороша; как говорит Ксенократ, счастлив тот, у кого душа добрая, ибо она есть даймонион каждого человека (курсив мой. – С.Г.) [Top. 112a 32–40].

В данном пассаже мы встречаем нечто неожиданное для лингвистического конвенционалиста, призывающего отказаться от конвенционально установленных этимологий слова для достижения эвристических целей. Так, Аристотель предлагает трактовать *εὐψυχον* не так, как установлено *большинством* носителей языка в настоящее время (*νῦν*), т.е. «мужественный», но как «тот, кто хорошо управляет душой» (*ἀλλὰ τὸν εὖ τὴν ψυχὴν ἔχοντα*). Интересно, что Стагирит указывает на некий установленный смысл слова, например «надеющийся», и противопоставляет ему некий другой, *более подлинный*, уместный смысл.

Перевод и интерпретация этого фрагмента вызвали заметные разночтения в исследовательской литературе. Так, в полном издании трудов Аристотеля под ред. Дж. Барнса мы видим «Moreover, you may attack by reinterpreting a word in respect of its account (курсив мой. – С.Г.), with the implication that it is most fitting so to take it rather than in its established meaning» [8. P. 423]. Дж. Грот, напротив, подчеркивает, что здесь мы имеем не столько традиционное понимание слова на основании его дефиниции, или некоего

¹ См. «Кратил», 387d.

² Здесь этот термин используется, скорее, в общегреческом смысле аргументации и построения доводов, нежели, как логическое понятие, связанное с использованием *επιχειρήματα*, т.е. умозаключения, состоящего из нескольких энтимем.

толкования, сколько первичный этимологический смысл: «The illustrative examples which follow prove that λόγος here means the *etymological origin* (курсив мой. – С.Г.), and not the definition, which is its more usual meaning» [9. С. 291]. Грот, рассматривая особенности аристотелевской аргументации, противопоставляет этимологический смысл термина его *обычному* (common usage), т.е. общепринятому конвенциональному употреблению. Здесь, говоря об *etymological origin* слова, Грот воспроизводит логику *Etymologiae* Исихора Севильского, второе название книги которого («Origines») напрямую говорит о поиске смысловых корней происхождения слов. Одним из ключевых понятий в тексте Аристотеля выступает термин μεταφέρωντα (τοῦνομα κατὰ τὸν λόγον...), которое Liddel & Scott связывает с передачей «*буквального значения*»¹.

В гарвардском издании «Второй аналитики» и «Топики» Аристотеля от 1960 г. мы видим другое понимание данного текста: «Another method of attack is to refer back a term to its *original meaning* (курсив мой. – С.Г.) in the ground that it is more fitting to take it in this sense than in that now established [10. Р. 355]. Таким образом, здесь мы встречаем неожиданное для лингвистического конвенционализма противопоставление:

a) *original meaning* vs b) *sense that now established*.

Если указанная схема совершенно уместна в рамках лингвистического натурализма, который направлен на поиск оригинального, подлинного / первичного смыслового поля (и это даже может быть особой формой гносиса, от *логоса* к *ноэме* и *эйдосу*), то в конвенционализме *a* и *b* оказываются идентичны, поскольку исходное значение термина эквивалентно конвенционально установленному его использованию.

С. Рубинелли, рассматривая практику построения аргументативных техник в поздней Античности, также полагает, что семантический горизонт слова, использующегося в качестве аргументативной единицы, имеет мозаичный, неоднородный характер, где различные десигнативные составляющие вкраплены в денотативное основание, подобно электронам в атоме Томсона. Как и в случае с этимологией терминов, в некоторых случаях целесообразно пренебречь текущим его значением, пусть и конвенционально одобренным, ради первичного этимологического определения [11. Р. 28].

Примечательно, что Аристотель не употребляет здесь термин «*этимологический*», описывая первичные смысловые основания слова², но говорит о некоем исходном значении термина, которое противопоставляется его распространённому конвенциональному пониманию.

Таким образом, мы получаем как минимум три возможные интерпретации указанного фрагмента:

- 1) использование *первоначального* значения термина в противовес его современному толкованию³;
- 2) использование *другой интерпретации*, отличной от современной;
- 3) использование *буквального* этимологического толкования термина.

¹ «μ. τοῦνομα ἐπὶ τὸν λόγον – transfer the word to its literal meaning».

² Именно поэтому, на наш взгляд, есть смысл говорить не об этимологии, а о некотором альтернативном семантическом поле.

³ Русский перевод этого фрагмента: «...далее, следует приводить доводы, указывая на [первоначальный] смысл имени, так как он лучше поясняет, нежели имя в употребляемом значении», примыкает к этой группе (см.: *Аристотель. Сочинения* : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 383).

Общее в этих интерпретациях то, что они выделяют некоторое текущее толкование имени, противопоставляя ему возможную альтернативу. Использование *vōv* в связке с указанием на то или иное положение, безусловно, имеет смысл *положения во времени*, т.е. некоторое семантическое *hic et nunc*, отражающее практику использования имени в современных реалиях. Однако возникает вопрос, что именно мы противопоставляем *общепринятому* толкованию термина в рамках конвенционалистской модели языка? Ведь конвенционализм и исходит из того, что общепринятая интерпретация смысла термина и есть его *подлинное* понимание. Никакие индивидуальные манипуляции с десигнативно-денотативными элементами языка не могут претендовать на более высокий статус по отношению к коллективной конвенции и практике употребления языковых единиц. Перефразируя Витгенштейна, можно сказать, что знание истинности какого-либо высказывания – это знание конвенциональных правил использования высказывания в общепотребительных контекстах. В этой связи коммуникация, по П. Грайсу, есть интенционально-конвенциональный обмен ожидаемыми паттернами языка (см.: [6, 7]). Стабилизация динамических интенций, формирующих то, что Г. Фреге стационарно называл *Sinn*, и происходит через включение субъекта речи в конституирующие пласты речевых конвенций. Именно конвенция определяет подлинность использования того или иного термина в коммуникации. Таким образом, для лингвистического конвенционалиста не существует семантической реальности, которую можно было бы противопоставить конвенции.

Приведенные выше трактовки (1–3) значительно отличаются в понимании механизмов реализации данного аргументативного приема. Если 1 может быть рассмотрено вплоть до ослабленной версии лингвистического натурализма, согласно которой имена имеют *первичный* подлинный *ἔτιμον*¹ и задача интерпретатора заключается в том, чтобы через призму этимологий, вычленив этот сокрытый сущностный семантический пласт, то 2 может быть понято так, что у ратора есть возможность «жонглирования» различными гносеологически равнозначными этимологиями слова в контексте аргументативных тактик, в то время как 3 понимается как полемически оправданный возврат к буквальному значению имени².

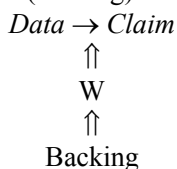
Таким образом, хотя лингвистический натурализм противопоставляется конвенционализму в качестве альтернативы, тем не менее конвенционализм также признает идею семантических иерархий имени в контексте первичности – вторичности, подлинности – неподлинности, уместности – неуместности этимологической составляющей для целей дидактики или дискуссии. В этой связи конвенционализм и натурализм становятся функционально неразличимыми в случае, если мы находимся не на уровне первичной закладки семантики имени, но в процессе подбора и использования этимологий. Причем для конвенционализма, постулирующего связь подлинного релевантного этимона с конвенцией, отказ от использования конвенционально установленного значения слова, согласно «Топике» 112a, может иметь первостепенное значение. Неразличимость натурализма и конвенционализма в вопросах

¹ Установленный законодателем имен.

² Причем понимая, что *буквальное* значение может не быть *первоначальным* с точки зрения эволюции этимона имени.

прагматики этимологизации означает наличие и в том и в другом неравнозначных, разноуровневых, разностатусных десигнативных образований, в отношении каждого из которых можно поставить вопрос о подлинности или первичности.

Очевидно, что данный прием семантической трансформации в сторону отказа от конвенционального толкования термина Аристотель использует в ходе объяснения *эристических* тактик диалектического спора, т.е. спора, который направлен на работу с условно-истинными положениями (ἐνδοξα), отличными от аподейктики. Безусловно, можно предположить, что маневр пропонента в сторону резкого смещения понимания смысла слова (выражения), задействованного в аргументации, может дать тактическое преимущество над оппонентом. Предположим, оппонент использует слово в его *общепринятом смысле* и строит свою аргументацию сообразно этому. В терминах С. Тулмина обоснованность тезиса (claim) будет зависеть от доводов (data), основания (warrant) и поддержки основания (backing)¹:



Если учесть, что *data*, т.е. первичный набор доводов, во многом определяет как *warrant*, так и степень валидности *claim*, то контраргумент, основанный на изменении смысла термина оппонента, может сыграть деструктивную роль по отношению ко всей аргументативной цепи противника:

$$\text{Data} \rightarrow \text{Warrant} \rightarrow \text{Claim}.$$

Если меняется семантика довода (data), то основание аргументативного следования (warrant) может оказаться *нерелевантным* и, как следствие, тезис остается без поддержки. Примечательно, что такой аргументативно-семантической трансформацией можно совершить деструкцию любого из указанных элементов схемы С. Тулмина [12]. Меняя этимологию термина, например переходя от интенциональных аспектов к экстенциональным, подменяя конвенционально общепринятое денотативное основание термина его различными маргинальными альтернативами, можно содержательно развести тезис (claim) и аргументы (data), лишить основание (warrant) рассуждения связи с поддержкой основания (backing) и т.д. Можно сказать, что в вопросах эристики лингвистический конвенционалист перестает быть конвенционалистом, ставя под сомнение общепринятые конвенции использования языка ради аргументативной конъюнктуры. Здесь мы видим сближение аристотелевского принципа использования *контекстуально подходящих* этимологий с «Περὶ τοῦ καίρου» Горгия, определяющего релятивистскую позицию участника аргументации.

Литература

1. Aristotle Topics. Books I and VIII with Excerpts From Related Texts. Oxford : Clarendon, 2003.
2. Pasquali G. Proclus In Platonis Cratylum Commentaria. Stuttgart : Teubner, 1994.

¹ Здесь мы используем минимальную схему С. Тулмина, без привлечения таких вспомогательных элементов аргументации, как *rebuttal* и *qualifier*.

3. Formigari L. A History of Language Philosophies. Amsterdam Studies in The Theory and History of Linguistic Science. Series III. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2004.
4. Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and The Early Middle Ages. Amsterdam, 1989.
5. Del Bello D. Forgotten Paths: Etymology and the Allegorical Mindset. Michigan 2007.
6. Grice H.P. Utterer's Meaning, Sentence-Meaning, and Word-Meaning // Foundations of Language. 1968. № 4 (3). P. 225–242.
7. Searle J.R. The Philosophy of Language. Oxford, 1971.
8. The Complete Works of Aristotle / J. Barnes (ed). Princeton, NJ : Princeton University Press, 1995.
9. Grote G. Aristotle / ed. by A. Bain. London : John Murray, 1880.
10. Aristotle Posterior Analytics. Topica. Loeb Classical Library / H. Tredennick, E.S. Foster (eds). London : HUP, 1960.
11. Rubinelli S. Ars Topica. The Classical Technique of Constructing Arguments From Aristotle to Cicero. Springer, 2009.
12. Toulmin S. The Uses of Argument. Cambridge, 2003.

Sergei V. Garin, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: svgarin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 112–120.

DOI: 10.17223/1998863X/46/13

ARISTOTLE'S "TOPICS" AND LINGUISTIC CONVENTIONALISM IN THE CONTEXT OF DIALECTICAL ARGUMENTATION

Keywords: ancient philosophy of language; history of logic; "Topics"; Aristotle, argumentation theory.

In the paper, some problematic aspects of ancient linguistic conventionalism in the context of Aristotelian philosophy of language, developed in "Topics" and "On Interpretation", are considered. The dialectical (dialogic-eristic) principle of manipulating various etymological aspects of names (primary / present / suitable / literal) is analyzed within the framework of ancient theories of etymology. The paper substantiates the idea of certain functional closeness of ancient linguistic naturalism to conventionalism for the purposes of dialectical persuasion. Although linguistic naturalism is opposed to conventionalism as an alternative; nonetheless, conventionalism also recognizes the idea of semantic hierarchies of names in the context of primary/secondary, authentic/non-authentic, appropriate/inappropriate etymological entities for the purpose of didactics or discussion. Conventionalism and naturalism are functionally indistinguishable at the level of selection and use of etymologies. Moreover, for conventionalism, postulating the connection of a relevant etymon with an appropriate convention, the rejection of a conventionally established meaning of a word may have specific eristic value. In the paper, the etymological transformations of names proposed by Aristotle in "Topics" 112a are explored by means of Stephen Toulmin's minimal argumentative model. Aristotle's argument can be treated as a sophistic legerdemain: if the opponent alters the semantics of the proponent's argument (data), the basis of argumentation (warrant) becomes irrelevant and, consequently, the thesis becomes unsupported. The paper aims to raise research interest in ancient logic and philosophy of language.

References

1. Aristotle. (2003) *Topics. Books I and VIII with Excerpts From Related Texts*. Oxford: Clarendon.
2. Pasquali, G. (1994) *Proclus In Platonis Cratylum Commentaria*. Stuttgart: Teubner.
3. Formigari, L. (2004) *A History of Language Philosophies. Amsterdam Studies in The Theory and History of Linguistic Science. Series III*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
4. Amsler, M. (1989) *Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and The Early Middle Ages*. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company.
5. Del Bello, D. (2007) *Forgotten Paths: Etymology and the Allegorical Mindset*. Michigan: The Catholic University of America Press.
6. Grice, H.P. (1968) Utterer's Meaning, Sentence-Meaning, and Word-Meaning. *Foundations of Language*. 4(3). pp. 225–242. DOI: 10.1007/978-94-009-2727-8_2
7. Searle, J.R. (1971) *The Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press.

8. Barnes, J. (ed.) (1995) *The Complete Works of Aristotle*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
9. Grote, G. (1880) *Aristotle*. London: John Murray.
10. Tredennick, H. & Foster, E.S. (eds) (1960) *Aristotle Posterior Analytics. Topica. Loeb Classical Library*. London: HUP.
11. Rubinelli, S. (2009) *Ars Topica. The Classical Technique of Constructing Arguments From Aristotle to Cicero*. Springer.
12. Toulmin, S. (2003) *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.